

УДК 327

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12021118125>

Иван СКРИПКА

БОРЬБА С COVID-19 В НОРВЕГИИ И ШВЕЦИИ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ

***Аннотация.** В статье проанализированы стратегии шведского и норвежского правительств в борьбе с пандемией коронавируса. Страны-соседи показали два разных подхода к решению этой проблемы. Швеция сделала упор на мягкие и добровольные меры самих граждан, а Норвегия ввела для них серьёзные ограничения. После двух волн пандемии оба государства признали, что могли применить более успешные стратегии. Важны последствия политического и социального характера, реакция населения на принимаемые меры. В обеих странах уровень доверия к правительству был достаточно высок. В отличие от Норвегии, в Швеции партия власти первоначально пользовалась большей поддержкой людей, которые были довольны менее строгими ограничениями, чем в соседних странах, но с ростом масштабов эпидемии они испытали большие трудности. Норвегия же столкнулась как с психологическим напряжением из-за карантина, так и с кризисом легитимности принимаемых мер. Однако с началом второй волны пандемии ситуация в обеих странах изменилась, когда в общественных настроениях произошли перемены.*

***Ключевые слова:** Норвегия, Швеция, коронавирус, COVID-19, политические партии, правительство, противовирусная стратегия, законодательство, социально-политические последствия.*

Пандемия коронавируса, безусловно, стала главным событием в мировой повестке в 2020 г. Перед всеми странами появилась угроза, пути борьбы с которой неизвестны. По-прежнему, нельзя точно сказать, какая стратегия против пандемии COVID-19 оказалась наиболее эффективной. На первый план выходят не профилактические меры, а разработка и внедрение вакцины.

Однако во время двух первых волн эпидемии государствам приходилось выбирать способы борьбы с вирусом, не имея опыта и разработанных лекарственных средств. В мае 2020 г. Международная консалтинговая компания *Boston Consulting Group (BCG)* опубликовала материал¹, в котором выделила три стратегии, которым в основном следуют государства: подавление и сдерживание, смягчение и борьба, поддержка и помощь. Ни одна из них не доказала однозначно свою эффективность, но они позволяют вирусологам и экономистам проанализировать опыт стран с разными подходами и выработать более совершенную модель поведения общества.

Наименее применяемой во всём мире стратегией стала «поддержка и помощь». Самое

© Скрипка Иван Романович – аспирант Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: iv.skripka@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2021.

¹ Gjaja M., Hutchinson R., Farber A., Brimmer A., Kahn D. Three Paths to the Future. Boston Consulting Group. 27.05.2020. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/three-paths-to-the-future-post-covid-19> (дата обращения 14.01.2021).

яркое воплощение она получила в Швеции, к которой поэтому было обращено особое внимание общественности. Кроме неё карантин не объявили только Исландия и Беларусь. Большинство остальных государств избрали путь «смягчения и борьбы». Его практиковали такие страны, как Бразилия, США, Германия, Норвегия и т.д.

По окончании 2020 г. корректно сравнить шведскую модель с соседними странами. Швеция и Норвегия схожи в отношении этнического состава населения, государственного и административного устройства, социально-экономических систем и организации общественного здравоохранения. Кроме того, медики отмечают, что в обеих странах налажена своевременная и полная регистрация смертей¹.

Для борьбы с эпидемией Норвегия приняла обширные меры, включая приостановку работы школ, отмену массовых мероприятий и закрытие границ. Результатом стало сравнительно небольшое количество тяжёлых заболеваний и смертей, связанных с COVID-19. Швеция же, наоборот, сообщила о росте их числа, после чего подверглась резкой критике за слишком мягкие меры².

Разные национальные стратегии борьбы с пандемией COVID-19 в соседних странах можно считать естественным экспериментом, который позволил провести анализ различий двух курсов и оценить их последствия. Во многих странах развернулась активная дискуссия о подходах, выбранных их государствами, а критики действующей власти получили лишний повод для громких заявлений.

Какую стратегию борьбы с пандемией выбрала Швеция?

Шведские учёные С. Андерссон и Н. Айлотт в своей статье о реакции их правительства на пандемию отмечают³, что ему так и не удалось выработать чёткую позицию, какие меры нужно принимать. В программном документе об угрозе пандемий, опубликованном Агентством общественного здравоохранения в декабре 2019 г., главными целями были объявлены «уменьшение числа случаев смертности и заболеваемости среди населения», «сведение к минимуму других негативных последствий для людей и общества». Добиться этого предполагалось за счёт применения «медицинских и других мер, таких как социальное дистанцирование»⁴.

В заявлении начала апреля 2020 г. говорилось, что Швеция стремится «ограничить распространение инфекции в стране», «обеспечить доступность ресурсов здравоохранения и медицинской помощи» и «снизить нагрузку на критически важные социальные службы». Агентство общественного здравоохранения ориентировалось не на подавление вирусных заболеваний, а на смягчение последствий, что соответствовало намерению шведского правительства сделать упор на врачевание долгосрочных последствий пандемии (социальных и экономических), а не на решение краткосрочных проблем.

Главный эпидемиолог Швеции Андерс Тегнелл отмечал, что чем менее обременительны ограничения личного характера (на занятия спортом, посещение ресторанов и т.д.), тем более устойчивы они будут. Таким образом, шведская система здравоохранения надеялась избежать резких всплесков заболеваний и сохранить контроль над ситуацией. Такие заявления

¹ Brooke H., Talbäck M., Hörnblad J., Johansson L.A., Ludvigsson J.F., Druid H. Swedish cause of death register // Eur J Epidemiol. 2017. 32(9). P. 73-76. DOI: 10.1007/s10654-017-0316-1

² Did Sweden's coronavirus strategy succeed or fail? BBC News. 23.07.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-53498133> (дата обращения 21.01.2021).

³ Andersson S., Aylott N. Sweden and Coronavirus: Unexceptional Exceptionalism // Social Sciences. 2020. 9(12). P. 232-250. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci9120232>

⁴ Folkhälsomyndigheten. «Pandemiberedskap. Hur vi Förbereder oss—Ett kunskapsunderlag», Stockholm: Public Health Agency, 2019.

исходили и из того, что риск заражения коронавирусом в Швеции Агентство общественного здравоохранения первоначально оценило как очень низкий¹. Только 25 февраля оценка опасности передачи инфекции в стране была повышена, но лишь до низкого уровня. Поэтому А. Тегнелл не видел причин запрещать туристические и деловые поездки шведов, в частности, во время каникул в стокгольмских школах, несмотря на вспышку в Италии в то время. 8 марта 2020 г. он отклонил предложение обязать каждого, прибывшего из мест с высоким уровнем инфицирования, самостоятельно лечиться и находиться на карантине. Они, по его мнению, должны делать это только в случае обнаружения симптомов COVID-19. Тегнелл даже раскритиковал компании, которые на тот момент уже разрешили своим сотрудникам работать на дому, поскольку это несправедливо по отношению к работникам, лишённым такой возможности. Но ещё до публикации этого интервью ВОЗ объявила пандемию, а Агентство общественного здравоохранения сообщило, что риск передачи инфекции в Швеции стал высоким. После этого А. Тегнелл рекомендовал запретить собрания, на которых присутствует более 500 человек, что было немедленно принято правительством. Пять дней спустя главный эпидемиолог заявил, что передача инфекции происходит на рабочих местах и в учебных заведениях, поэтому люди, по возможности, должны трудиться дома. В конце марта ограничение на собрания было снижено до 50 человек и запрещено посещение домов престарелых, ставших очагами инфекции.

Тем не менее, большинство других противовирусных мер правительства носили лишь рекомендательный характер. Шведов призывали дистанцироваться от других людей, особенно если им приходилось путешествовать. Людям из групп риска, в том числе старше 70 лет, было рекомендовано встречаться с другими только на открытом воздухе и держаться подальше от толпы. Подчёркивалась необходимость мыть руки и воздерживаться от посещения работы или учёбы при появлении симптомов болезни. Однако за нарушение этих рекомендаций не была предусмотрена ответственность.

Можно сделать вывод, что Швеция не стала применять практику запретов и ограничений, которая была более востребованной во всём мире. Объясняя свои решения, Агентство общественного здравоохранения и правительство редко упоминали шведские географические, социальные и демографические условия: низкую плотность населения страны, малочисленность состава семей и хорошее здоровье населения, что могло оправдать оригинальную национальную политику. Агентство отрицало, что шведская стратегия нацелена на достижение «коллективного иммунитета», при котором достаточное количество населения невосприимчиво к вирусу, будь то в результате предыдущего заражения или распространения вакцины. Впоследствии власти признали, что коллективный иммунитет мог стать побочным эффектом шведской стратегии, но не являлся её целью.

Данная стратегия вызвала положительную реакцию шведов во время первой волны пандемии, несмотря на ряд плохих показателей по сравнению с соседними странами. Например, с 7 по 9 апреля в Швеции умерло в среднем 10,2 человека в расчёте на миллион жителей, а в Норвегии только 2. Одной из наиболее обсуждаемых причин, обусловивших столь большую разницу в смертности, стала неэффективная работа с пожилым населением в Швеции, которое и составило большую часть умерших людей. Обнаружилась низкая подготовленность домов престарелых, где на первых порах не хватало средств защиты. Кроме того, источником распространения вируса стали их работники и родственники пожилых людей, имеющие сво-

¹ Улумбекова Г.Э., Гинойян А.Б., Петрачков И.В. Эпидемия COVID-19 и ответ здравоохранения в разных странах // Демографическое обозрение. 2020. №2. С. 121-142. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11140

бодный доступ к своим родным¹.

Столкнувшись же во время второй волны с резким скачком количества заболеваний и смертей, шведы стали меньше поддерживать противовирусные меры их правительства и чаще стали просить о введении более жёстких ограничений, как в соседних странах. Это заставило власти и органы здравоохранения частично признать свои ошибки и обратиться к другим государствам для того, чтобы они помогли с поставками медицинского оборудования и средств защиты.

Норвежская стратегия борьбы с пандемией

В то же время соседняя Норвегия проводила политику более строгих ограничений для своих граждан. Но и её власти, как и шведские, заявили, что их стратегию нельзя считать идеальной и допустили, что она могла быть проведена более мягко². 12 марта 2020 г. норвежское правительство приняло самые строгие чрезвычайные меры со времен Второй мировой войны³. Предписывалось закрытие государственных и частных учреждений, были запрещены крупные общественные мероприятия, включая политические и религиозные собрания, ночёвка в домах отдыха за пределами региона проживания, вводился карантин и изоляция для людей, инфицированных COVID-19, закрыты границы. Такой подход был определён как «демократия, ограниченная авторитарным вмешательством»⁴. Столь жёсткие меры, непривычные для демократических стран Скандинавии, позволили властям уже к концу апреля заявить, что эпидемия находится под контролем, поскольку норвежское правительство вполне успешно справилось с борьбой против вируса, и ограничения можно ослабить быстрее, чем в ряде других стран.

Не редко и в Норвегии звучали вопросы о правовой обоснованности противоковидных мер. В частности, Ханс Петтер Гравер, профессор Университета Осло, в своей статье отметил⁵, что решение о закрытии страны 12 марта 2020 г. было официально принято Норвежским управлением здравоохранения, а по конституции это следовало бы сделать правительству совместно с парламентом, консультируясь с Верховным судом. В дальнейшем акт о борьбе против коронавируса, разработанный в режиме секретности и принятый в Стортинге 24 марта, наделил правительство на время пандемии дополнительными полномочиями. Данный закон позволил расширить спектр ограничений и рекомендаций, которые были бы невозможны, если строго руководствоваться действующей конституцией.

Исключительные меры стали вызовом действующему правовому порядку Норвегии. Во-первых, в случае экстремальных угроз появляется риск, что в борьбе с ними другие важные вопросы сочтут второстепенными. Во-вторых, изменения в обычной законодательной процедуре в парламенте и Верховном суде снижают демократическую легитимность принимаемых мер. Это меняет баланс сил между парламентом и правительством, затрудняет дискуссии и подачу апелляций. Таким образом, Норвегия столкнулась с правовыми и моральными проблемами при решении чрезвычайных ситуаций, не имея подобного опыта. В связи с

¹ Плевако Н.С., Карлбек Х. Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2. С. 123-129. DOI: 10.15211/vestnikieran2020123129

² Stoltenberg: Vi kunne kanskje klart å få kontroll over smitten uten å stenge ned så kraftig. NRK. 22.05.2020. URL: <https://www.nrk.no/norge/vi-kunne-kanskje-klart-a-fa-kontroll-over-smitten-uten-a-stenge-ned-sa-kraftig-1.15024804> (дата обращения 25.01.2021).

³ Christensen T., Lægreid P. Balancing governance capacity and legitimacy: how the Norwegian Government handled the COVID-19 crisis as a high performer // Public Administration Review. 2020. №5. P. 774-779. DOI: 10.1111/puar.13241

⁴ Cheibub Jose A., Ji Y. J. Hong, Przeworski A. Rights and Deaths: Government Reactions to the Pandemic // SocArXiv. July 9, 2020. DOI:10.31235/osf.io/fte84

⁵ Graver H.P. COVID-19 Regulation in Norway and state of exception // COVID-19 and Constitutional Law. Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México, 2020. P. 167-175.

этим решения кабинета подлежат дальнейшему рассмотрению судами Норвегии по окончании пандемии и требуют выработки нового законодательства о поведении государственных органов при чрезвычайных ситуациях.

Общественно-политические последствия стратегий борьбы с COVID-19

Безусловно, при выборе стратегии по противодействию пандемии исходят в первую очередь из необходимости сократить количество пострадавших граждан и не допустить дальнейшего массового распространения вируса. Тем не менее, помимо решения основных задач правительства обязаны думать об экономическом развитии, правовом обосновании стратегии, поддержке со стороны избирателей и СМИ. Юридическая сторона запретов, ограничений и рекомендаций – первая сложность для властей Швеции и Норвегии. В обеих странах существует чёткое разделение полномочий правительства, парламента и профильных министерств. В Швеции данный принцип был соблюден: Агентство общественного здравоохранения разрабатывало практически все меры противодействия вирусу, а правительство оставалось «в тени». Кроме того, большинство мер носило преимущественно рекомендательный характер. Необычным стал тот факт, что Стефен Лёвен, премьер-министр Швеции, попросил право принимать решения по борьбе с коронавирусом без обязательного согласования с парламентом. Эта мера была одобрена лишь при условии, что все действия правительства будут подробно рассмотрены риксдагом после стабилизации пандемии. В Норвегии правительство, получив карт-бланш на разработку противовирусных мероприятий, обязано немедленно оповещать обо всех своих действиях парламент, члены которого вправе вынести их на обсуждение. При этом противоковидные меры могут иметь расхождения с Конституцией Норвегии, но не блокироваться Верховным судом. Эти положения были закреплены в Законе о коронавирусе, принятом 24 марта 2020 г.

Во время первой волны коронавируса избранные Швецией и Норвегией стратегии отразились на уровне доверия людей к их органам власти. На фоне общей тенденции сплочения вокруг флага, в марте 2020 г. лишь 17% норвежцев выразили своё полное доверие правительству в борьбе с пандемией, а 28% обозначили свою умеренную поддержку. В Швеции в то же время процент полностью уверенных в действиях правительства составлял 37%, тогда как в декабре 2019 г., по опросу *Novus*, доверие к власти выразили только 19% опрошенных¹. При этом процент, поддерживающих действия правительства не только полностью, но и частично, дошёл до 61%. Опросы общественного мнения показали, что рейтинг ведущей партии Швеции, социал-демократов, резко вырос, а Агентство общественного здравоохранения, которое уже было одним из наиболее авторитетных шведских учреждений, завоевало ещё большие симпатии населения.

Такую ситуацию в начале пандемии можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, национальные СМИ освещали в позитивном ключе деятельность агентства, и Тегнелла в частности. Во-вторых, шведы были хорошо осведомлены о жёстких ограничениях в других странах и не хотели повторения подобного у себя. Сохранение открытыми образовательных учреждений стало особенно популярным решением. Большинство взрослого населения Швеции предпочитает работать, и поэтому многие полагаются на школы и детские сады для ухода за детьми². Всё это отвлекло внимание от того, что страна опередила всех соседей по чис-

¹ Helsingen L.M., Refsum E., Gjøstein D.K. et al. The COVID-19 pandemic in Norway and Sweden – threats, trust, and impact on daily life: a comparative survey // BMC Public Health, 2020. DOI: 10.1186/s12889-020-09615-3

² Сорокина Е.А. Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №3(87). С. 42-53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53

лу заболеваний и смертей. Неравномерное воздействие вируса на шведское общество – ещё одна причина, почему правительство, избрав не общепринятую стратегию, почти не потеряло доверия граждан в это время. Опрос, проведённый Агентством общественного здравоохранения, показал, что сотрудники сферы услуг (водители такси, повара и работники общественного транспорта), где активно задействованы иммигранты, подвергались наибольшему риску заражения в период с марта по май. Врачи подсчитали, что за тот же период смертность среди людей, недавно мигрировавших в Швецию, была на 220% выше, чем в 2016–2019 гг. Между тем увеличения количества летальных исходов среди этнических европейцев в возрасте до 64 лет не наблюдалось¹.

Уровень доверия граждан двух стран разительно изменился к концу года, когда появилось больше информации, позволившей по достоинству оценить противовирусные меры. Если в начале 2020 г. казалось, что доверие норвежцев к своим властям безвозвратно утрачено, то в конце года опрос социологической компании «Ипсос» показал абсолютно иную картину: уровень доверия правительству не только не упал, но и достиг самого высокого показателя за последние 15 лет – 85% по сравнению с 65% в декабре 2019 г.²

Другая ситуация сложилась в шведском обществе. Поддержав своё правительство на старте пандемии, граждане с середины лета стали много меньше доверять своему государству. Так, по опросу, проведённому 17 декабря журналистами «Дагенс Нюхетер» совместно с социологами из «Ипсос»³, полную поддержку действиям правительства во время пандемии выразили всего 34% респондентов – самый низкий показатель с начала пандемии, уменьшившийся вдвое по сравнению с летними мониторингами общественного мнения.

Таким образом, настроения населения Швеция и Норвегии претерпевали противоположные изменения. Норвежцы поначалу не приняли меры, избранные их правительством, но за год изменили своё мнение и показали высочайшую поддержку своего правительства. В Швеции же весной был замечен резкий рост доверия к правительству и органам здравоохранения, но осенью и зимой показатели вернулись к достаточно низким уровням начала 2020 г.

* * *

Правительства Норвегии и Швеции избрали абсолютно разные стратегии для противодействия пандемии. Норвегия ввела жёсткие меры, поставив своей главной целью снижение количества заболевших граждан до минимума. Швеция же избрала более щадящий вариант, не вводя запреты и ограничиваясь рекомендациями в надежде на сознательность населения. По итогам 2020 г. можно сделать вывод, что норвежская модель показала свою эффективность, сохраняя человеческие жизни. В январе 2021 г. смертность от коронавируса в Норвегии составляла 100 человек на миллион населения, в то же время в Швеции она достигла 1090. Не удалось Швеции и значительно сократить свои экономические потери, что объясняется общим экономическим кризисом во время пандемии, снижением экспорта и потребления частных домохозяйств. Норвегия, даже объявив локдаун, смогла снизить масштабы последствий для экономики, воспользовавшись резервными фондами.

Наконец, немаловажным отличием двух стран стало психологическое состояние населения во время первой волны пандемии. Норвежцам пришлось соблюдать жёсткие ограниче-

¹ Hansson E., Albin M., Rasmussen M., Jakobsson, K. Stora Large differences in excess mortality in March-May 2020 by country of birth in Sweden. *Läkartidningen*. 2020. 117. P. 1-4.

² Topp tiltro til myndighetene under koronapandemien. *Aftenposten*. 05.01.2021. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/PR5eJR/topp-tiltro-til-myndighetene-under-koronapandemien> (дата обращения 06.02.2021).

³ Andra vägen sänker förtroendet för Tegnell. *DN/Ipsos*. 17.12.2020. URL: <https://www.dn.se/sverige/dn-ipsos-andra-vagen-sanker-fortroendet-for-tegnell/> (дата обращения 06.02.2021).

ния и практически исключить контакты с другими людьми. Шведы же имели возможность встречаться в парках, ресторанах и во многих случаях ходили на работу в офисы. Шведское общество показало свою высокую гражданскую ответственность, по собственной воле сводя к минимуму такие контакты, но при этом сохраняло психологическое спокойствие, не ощущая на себе запреты государства.

В результате оба правительства признали, что принятые стратегии не идеальны и зимой 2020 г. пришли к необходимости их скорректировать. Однако к этому выводу они подошли с разным уровнем доверия граждан. Просчёты обеих стран легко объяснить отсутствием опыта решения подобных чрезвычайных ситуаций. В дальнейшем можно ожидать более критического отношения граждан к действиям своих правительств, обязанных извлекать уроки из ошибок.

Список литературы

Андреев С. Скандинавия и Финляндия: экономики в период пандемии. РСМД. 11.06.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skandinaviya-i-finlyandiya-ekonomiki-v-period-pandemii/> (дата обращения 12.02.2021).

Плевако Н.С., Карлбек Х. Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2. С. 123-129. DOI: 10.15211/vestnikieran22020123129

Сорокина Е.А. Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №3 (87). С. 42-53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53

Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Петрачков И.В. Эпидемия COVID-19 и ответ здравоохранения в разных странах // Демографическое обозрение. 2020. №2. С. 121-142. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11140

References

Andersson, S., Aylott, N. (2020). Sweden and Coronavirus: Unexceptional Exceptionalism. *Social Sciences*. 9(12). P. 232-250. DOI: 10.3390/socsci9120232

Andreev, S. *Skandinaviya i Finlyandiya: ekonomiki v period pandemii* [Scandinavia and Finland: economies during a pandemic]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [The Russian International Affairs Council]. 11.06.2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skandinaviya-i-finlyandiya-ekonomiki-v-period-pandemii/> (accessed 12.02.2021). (In Russian).

Brooke, H., Talbäck, M., Hörnblad, J., Johansson, L.A., Ludvigsson, J.F., Druid, H. (2017). Swedish cause of death register. *Eur J Epidemiol*. 32(9). P. 73-76. DOI: 10.1007/s10654-017-0316-1

Cheibub, J.A., Ji Y. J. Hong, Przeworski, A. (2020). Rights and Deaths: Government Reactions to the Pandemic. *SocArXiv*. DOI:10.31235/osf.io/fte84

Christensen, T., Lægreid, P. (2020). Balancing governance capacity and legitimacy: how the Norwegian Government handled the COVID–19 crisis as a high performer. *Public Administration Review*. 80(5). P. 774-779. DOI: 10.1111/puar.13241

Graver, H.P. (2020). COVID-19 Regulation in Norway and state of exception. In: *COVID-19 and Constitutional Law*. Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México. P. 167-175.

Helsingen, L.M., Refsum, E., Gjøstein, D.K. et al. (2020). The COVID-19 pandemic in Norway and Sweden – threats, trust, and impact on daily life: a comparative survey. *BMC Public Health*. 20. 1597. DOI: 10.1186/s12889-020-09615-3

Plevako, N.S., Karlbek, H. (2020). Virus i shvedskaya model' [The Virus and the Swedish Model]. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS]. 2. P. 123-129. (In Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22020123129

Sorokina, E.A. (2020). Gosudarstvennaya protivoepidemicheskaya politika: opyt SHvecii po protivodejstviyu koronavirusu [State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 3(87). P. 42-53 (In Russian). DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53

Ulumbekova, G.E., Ginoyan, A.B., Petrachkov, I.V. (2020). Epidemiya Covid-19 i otvet zdra-voohraneniya v raznyh stranah [Healthcare responses to COVID-19 in different countries]. Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2. P. 121-142. (In Russian). DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11140

Countering COVID-19 in Norway and Sweden: Analysis of Approaches and Consequence

Author. Ivan Skripka, postgraduate student, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** iv.skripka@yandex.ru.

Abstract. The article analyzes the strategies of the Swedish and Norwegian governments in the fight against the COVID-19 pandemic. These neighboring countries have shown two different approaches to solving this problem. Sweden has emphasized more lenient and voluntary measures for citizens, while Norway has imposed severe restrictions on citizens on its territory. After two waves of the pandemic, both States recognized that they could have applied more successful strategies. The consequences of the political and social nature, the reaction of citizens to the measures taken, became important. In both countries, there was a fairly high level of trust in the government. But in Sweden, unlike in Norway, there was a lot of support for the party in power at the beginning of the pandemic, as people were not burdened with serious restrictions, but experienced great difficulties as the scale of the pandemic grew. Norway, on the other hand, faced both the psychological strain of the quarantine and the crisis of the legitimacy of the measures taken. However, the situation changed in both countries with the beginning of the second wave of the pandemic, when the public mood changed.

Key words: Norway, Sweden, Coronavirus, COVID-19, political parties, government, antiviral strategy, legislation, socio-political consequences.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12021118125>